

Yuri Karyakin, interview with Philip Boobbyer, Moscow, April 1999, transcript in Russian

Часть 1

ЮК: Я спросил Вас почему вы влюбились в Россию. Вы ответили, как я понял, в основном из-за русской литературы. Так я понял?

ФБ: Начал влюбляться из-за религиозной мысли в литературе, да.

ЮК: Меня [этот] ответ порадовал, иного я и не ждал. Есть 3 способа познания. Так называемый объективный – без гнева и любви, [или] без гнева и восхваления – он плодоносный, им многое можно понять, но он равнодушный.

ФБ: Да. Я понимаю.

ЮК: Второй способ – ненависть. Зависть и ненависть. Он очень сильный. Он похож, знаете, [на] вырубавшую машину такую, да? Он очень зоркий, потому что раз ты ненавидишь человека, ты его рассматриваешь в микроскоп, ты собираешь всё плохое о нем. Он тоже плодоносный, потому что ненависть очень сильная, ненависть и зависть [имеют] очень сильную познавательную мощь. И люди-ненавистники, они очень много откапывают фактов про тебя, про того, кого они ненавидят. И все-таки и первый и второй способы, они [...]

ЮК: ...Но он как бы не плодоносящий. Третий, главный способ, надеюсь, Ваш – любовь.

ФБ: Да.

ЮК: Недаром понятие в религии христианской «Он познал ея» – означало, что он ей овладел, но овладел не только и не столько физически, сколько духовно, душевно, и тем любовь познаёт. Это первое, чему я рад очень, в первых наших репликах. А второе, чему рад, наверное, Вы знаете этимологию слова совесть, нет?

ФБ: Нет, я именно интересуюсь этой темой, вот *со-весть*, я знаю...

ЮК: Я думаю, что я Вам покажу – подарить не могу – но есть у меня книга о Достоевском... Одну минуту (ищет книгу). Тут есть глава о совести, основанная на этимологии. Но этимология таких понятий, как совесть, я бы сказал, это понятие – образ, понимаете? Это не просто сухое понятие, [например] арифметика – понятие, или материя... А совесть – это понятие-образ.

ФБ: Да.

ЮК: Одновременно. Оно и правой стороне принадлежит и левой одновременно, понимаете? Так вот. Совесть – *со-весть*. *Со* – это соединение по-русски; *весть* – это весть.

ФБ: Да, понятно.

ЮК: Весть – это понятно, да? Вот я вам сейчас подаю весть.

ФБ: Да, да.

ЮК: Так *со-весть* означает весть о радости или беде другого человека, которую ты воспринимаешь. Ты ее можешь воспринимать на расстоянии двух метров или двух минут: Вы ушли, а я о Вас помню; а можешь воспринимать её на расстоянии земного шара, всего по экватору; а можешь воспринимать не на [протяжении] двух минут, а десяти дней, десяти лет, десяти веков. У Достоевского в рецензии на роман Толстого *Анна Каренина* – найдите эту рецензию – есть такие слова: в Анне Карениной... [Вы] читали, конечно?

ФБ: Конечно.

ЮК: ...Там дети играют, жарят малину на свечах, а взрослые разговаривают, а в это время идет война с турками. И Левин говорит: «Совесь, совесь... Вот я вижу – и у меня совесь болит. А то, что за 5000 км, меня не трогает». Достоевский – он человек был беспредельный, резкий очень – говорит: «Очень интересно. Так на каком километре у вас кончается совесь?» А я бы добавил – это в книжке есть – а на каком времени кончается совесь? Вот совесь работает на расстоянии километра, да? Совесь работает на [протяжении] года. А совесь, которая работает на [протяжении] века? Совесь: либо она такая, либо такая (показывает). У нее есть 2 способности: либо бесконечно сужаться, либо бесконечно расширяться – и это очень русское понятие. Хотя мне кто-то сказал – но я еще не выяснил – что вот так же, как у нас, у европейцев, есть 7 цветов радуги, но ведь есть еще ультрафиолетовые и инфракрасные, есть 100 оттенков синего и так далее...

ФБ: Безусловно.

ЮК: Так вот оказывается, у японца [с детства] в каждом цвете 100 оттенков. И вдруг я узнал, что у индейцев понятие-образ совести [состоит] кажется из 27 оттенков.

ФБ: Интересно.

ЮК: Понимаете? Это Вы тоже выясняйте. Когда выясните, или я выясню, я Вам скажу, Вы – мне. Совесь можно еще перевести на русский как сострадание. В *Идиоте* Достоевского сказано, что сострадание может быть главным законом человеческого существования. Главный закон бытия – спасительный. Отсутствие сострадания – закон губительный. Так вот. В романе *Преступление и Наказание* лейтмотивом... Раскольников, помните?

ФБ: Да.

ЮК: ...Ну который убил старуху. Там идёт лейтмотивом такой вопль: «О, если б я был один, не было бы всего этого. Я на всех должен оглядываться: мать, сестра, Соня... О, если бы я был один!» Я в этой книге перевожу это понятие [как]: «О, если б я был без совести». Если один, то значит без совести. И он хочет отрезать все нити, связывающие его со всеми людьми.

ФБ: Интересно.

ЮК: Совесть, по крайней мере в нашей цивилизации христианской – независимо католики, протестанты, православные... Христианство означало рождение совести в человеке. Поэтому – я очень коротко, но Вы поймете – осознанно или неосознанно, Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин начинали с богоборчества. Первый тезис – это *предельный* рационализм, предельная логика, отрицающая все и всякие чувства; и главное из них – совесть. Это первый пункт, который был в черновике коммунистического манифеста даже; потом вычеркнут, по тактическим соображениям. А здесь это сидело. С чего они начали? Обрезать всё! Это в их [головах] – во всяком случае Маркс, Энгельс, Ленин, самих по себе технологически гениальных; Сталин – это другое... Есть закон коммунизма, который, наверное, не я открыл, но я, во всяком случае, о нем писал, закон, выявляющий его сущность, это закон падения качества, падения уровня. Ленин по сравнению с Марксом, Сталин по сравнению с Лениным, Зюганов...(смеется). Закон падения – выявления сущности. Так вот всё началось [...]

ФБ: Я помню, когда Вы были в Ко, Вы очень тонко сказали, что трагедия коммунизма или нашего века в том, что идея зла была на втором плане, а идея ошибки – на первом. Это очень интересно. Это значит, что совесть была отложена в сторону, а в центре стала просто информация. Интересно. (Перефразировано)

ЮК: Вот с этого всё началось. Это была та маленькая, невидимая глазу ампутация, которая потом всё сделала.

ФБ: Да.

ЮК: Совесть отрезали, как аппендикс, как аппендицит. У Ленина где-то есть это...

ФБ: Где?

ЮК: То ли в воспоминаниях Юрия Анненкова, знаете, наверное?

ФБ: Не знаю Анненкова.

ЮК: Художник замечательный, который рисовал Ленина. У них были разговоры, в том числе о совести, о морали... Он говорил, мы её чик-чикотрежем.

ФБ: Совесть?

ЮК: ... (соглашается)

ФБ: Это так интересно, это просто замечательно.

ЮК: Почему Маркс любил Гегеля помимо всего прочего? Потому что Гегель изгнал мораль, нравственность из истории. Были железные законы, а мораль – это [для] слабаков, слабых людей. Так какая справедливость? Есть железный закон, воплощением его является, например, Наполеон и так далее... Марксу это ужасно

понравилось, потому что [он] нашел объективность, вот ту первую – первый путь познания. И тот, и другой способы, первые два, о которых я говорил, они являются в сущности бесчеловечными, [и даже] античеловечными. Там с самого начала это запрограммировано, осознаёшь ты это или не осознаёшь.

ФБ: Согласен.

ЮК: Ты заменяешь совесть понятием целесообразность.

ФБ: Не совсем понимаю это слово целесообразность...

ЮК: Неважно, что ты думаешь, а важно [...]

ФБ: Телеология?

ЮК: Телеология посюсторонняя. Земная телеология – царство Божие на земле. А там главная совесть какая: мать, отец, сын, брат, сестра, дальше, друг, дальше другой человек, человек другой нации, другой религии и так далее, вниз в историю и в будущее. Это всё неважно, важно то, что у нас есть точные знания, что частную собственность нужно уничтожить, общественную поставить – вот наша совесть. Остальное всё чепуха. А отсюда следует, что можно людьми управлять, как хочешь, убивать сколько хочешь, сажать сколько хочешь, не считаться с их личными интересами, любовью и так далее – все принесено в пожар целесообразности и там сгорает. Запрограммировано это было в 46-м году прошлого века. Закономерно дошло до того, до чего дошло за 150 лет. Проследите, когда начинается отход от марксизма и почему. Каждый отход от марксизма – это не столько отход научный, сколько отход по совести. Каждый лично человек: Семен Людвигович (Франк), Николай Александрович Бердяев, Струве... Это отход был религиозный. Есть совесть вот такая, а есть главная совесть – Бог.

ФБ: Этот разговор с Анненковым, где можно найти?

ЮК: Я поищу, Вы напомним мне потом. Сейчас я переезжаю туда на лето, я там живу, вот там, на веранде, и поэтому у меня сейчас вот такой 'переезд народов'. Здесь я – беженец от зимы, а там я – беженец от лета (смеётся); я туда всё время переезжаю.

Так вот, обязательно в Вашем исследовании нужно проследить не просто носителей бессовестности, причем дифференцированных: верхушка, средний слой – условно, масса... Когда-то я понял, как бегут от совести. Логически, он – Ленин давно ушел, давно подготовился к 17 июля 1918 года – убийство царя и всего царского семейства. Это раньше у него всё было – это есть факт, и я Вам потом их дам. Поэтому он и Свердлов тайно скрывая, стало быть боясь, дали приказ убить и ввали, что сначала убили одного царя. А я подумал, вот Ленин, на тебе, ты так считаешь, бери револьвер, поезжай в Екатеринбург и сам застрелили царя. Вот так возьми и застрели, он на тебя будет смотреть, царевну, детей... А потом возьми штык – как было – и пощупай у них между ребрами... Не можешь?! Когда мне было примерно столько, сколько Вам, меня поразила эта мысль: не можешь, а почему? Люди придумали тысячу способов бегства от совести. Один из них, главный может быть, я его называю разделение труда: я пишу

статьи, заражаю этой идеей ближних, а потом отдаю приказ, поезжай и убей. Одни пишут статьи... В русском есть пословица: что написано пером, того не вырубишь топором. Знаете такую пословицу? Но разделение труда в чем: Одни пишут пером, а другие убивает топором. Я – Ленин, у меня чистые руки, я не убивал. У убийцы чиста совесть, потому что ему дан приказ. Эта цепь от верхушки и до... она бесконечная цепь, в каждом звёнышке цепи гасится совесть, и нарастание, нарастание, нарастание идёт, понимаете? И все счастливы.

ФБ: Да, да.

ЮК: Он счастлив своей истиной, а этот счастлив, что он исполнил приказ, как истину. Понимаете? Когда происходит взрыв этой цепи, когда она вся рушится... Классический пример это, конечно, наш коммунистический, но ещё более классический – гитлеровский. [На] Нюрнбергском процессе все преступники находили два довода: не знал и приказ. Не знал и приказ – всё, другого просто не дано. Но это цепь, повторяю, от верхушки – от статьи, от указа и до этого... Это потрясающий, страшный, дьявольский механизм убийства совести и замены её, суррогатно, другим; ну вот как есть Христос и есть антихрист. И сказано в Библии, что прельщён будешь, дьявол появится в виде своей красоты.

ФБ: Да, но суррогатная совесть это очень интересная вещь, мне кажется. Я просто знаю из своего опыта, наверно в каждом человеке есть как бы чистая совесть и суррогатная совесть, и в каком-то смысле цель жизни – это понять в чём...

ЮК: Различие.

ФБ: Да, и это наша задача.

ЮК: Бесконечная.

ФБ: И суррогатная совесть – это [хозяин раба], а чистая совесть – это свобода.

ЮК: Конечно. Так вот, если Вы еще сделаете две дифференциации: во времени – первое – начальный Маркс и Маркс коммунистического манифеста, и потом до смерти... У каждого из вождей, потому что вожди обладали мощью антихриста и красотой, своего рода красотой, красотой антихриста... Значит, вот, дифференциация по времени. И дифференциация по вертикали: вождь, грубо говоря, Ленин, Луначарский, заместитель Луначарского, ну и так далее, понимаете? Вы – учитель простой и Вы увидите, как вдруг отпадает кусок от марксизма. Кусок – это так называемое новое христианство. Вот Бердяев, Франк, Мережковский, Флоренский и так далее – в данном случае можно их обобщить – они отпали сразу, мгновенно, по религии. Отпадение *наше* от коммунизма, мое в частности, ну, так сказать, среднего интеллигента что ли, оно шло в начале по соображениям политическим и тактическим: вот нужно не так бороться с классовым врагом, а вот так... А враг остается всё равно. А коренной перелом в понимании того, что марксизм начался с отрицания религии, то есть совести, так он приходит – это конкретно, это очень личное, интимное дело – он приходит индивидуально. Так не может быть, что в 91-м году коммунизм крахнул, и

сразу несколько миллионов отошли. Религия или псевдорелигия не меняется в один час, в один день, да еще по приказу!

ФБ: Безусловно.

ЮК: Да еще тут критерии [...]

Женщина: Вы знаете, мы очень голодные. Может быть мы начнём обедать, а вы к нам присоединитесь или поедите вместе с нами? Дай-ка сигареточку...

(Далее ЮК беседует с женщиной 25:35 – 26:05)

ФБ: Ну то, что мне особенно интересно, я хочу Вам сказать, это мне кажется довольно ясным, много уже писали о распаде совести... Особенно интересно то, что совесть проявилась так сильно, что стала темой у диссидентов, а моральная риторика во время перестройки стала центральным. Очень интересно, как сохранялась совесть у людей и почему это стало реальной вещью и каким-то образом стало оказывать реальное влияние в позднем Советском периоде. Понимаете, чем дело? Потому что в одном смысле мы знаем черную историю совести, но есть здесь какая-то история чудесная, что в конце концов коммунистам не удалось 'отрезать' совесть. Конечно, совесть как бы укоренена в человеческой природе, так что в этом смысле её невозможно отрезать, но история, проявление совести, как люди боролись внутри себя...

ЮК: Вы должны написать две истории, если не три. Первая история бессовестности – о чём мы говорили, вторая история – сохранение совести, а третья история – зарождение совести. Насчет истории бессовестности – тут понятно. История сохранения совести – это от Флоренского, Франка, до моей мамы, которая одновременно и за советскую власть, а всё-таки свечку ставит, тайно, но ставит, понимаете? И не может представить себе, как можно предать ближнего человека, у нее нет теории, ничего, [но] что-то в душе есть. История сохранения совести тоже в иерархии: от великих мыслителей и мыслителей совести, которых мы с Вами знаем, до самых простых людей, даже может быть иногда до самого простого конвоира. Перечитайте *Архипелаг ГУЛАГ*, там история бессовестности, но есть и история сохранения совести.

ФБ: В *ГУЛАГе* есть глава очень хорошая...

ЮК: Да. А третье, ну тут пожалуй я – представитель этого – это история зарождения.

ФБ: Именно это очень интересно – зарождение. Вы можете об этом рассказать?

ЮК: История зарождения совести начинается – тут тоже своя иерархия... У меня она началась с того, что – и у большинства таких как я – что у меня посадили и убили дядю родного, брата [матери], который был очень хорошим человеком. Я в душе своей не мог согласиться, что он враг народа. Потом посадили, но не убили второго дядю моего, очень близкого мне человека. Тут сразу два. Я его очень любил, и я точно знал душой, что он очень хороший человек, но у меня мозги были уже вывихнуты.

ФБ: В каком году?

ЮК: Он воевал, его взяли в плен немцы. Он бежал из лагеря. Участвовал во французском, итальянском сопротивлении – герой французского, итальянского сопротивлений. Потом вернулся, и его посадили здесь. Увязать одно с другим я не мог, понимаете? Поэтому, если угодно, я боялся думать даже, одновременно чувствуя одно и зная, что мне сюда (показывает на голову) уже внушили другое. Пока под напором фактов, под влиянием культуры... Потому что моя трагедия состояла в том, что я одновременно очень много в детстве читал. До 18-ти лет я прочитал вот столько уже (показывает). У моих друзей была библиотека. В 16 лет я прочитал всего Шекспира, Кнута Гамсуна – ну в общем мировую литературу главную, я уже всю прочитал – это было родно. А потом вдруг оказывается, что марксизм знает всё лучше, чем вся мировая культура (смеётся). И возникло искушение, дьяволовое искушения в пустыне, что оказывается, если я выучу наизусть коммунистический манифест и прочитаю *этих*, то я *сразу* буду выше мировой культуры! Вот был Птолемей... Почему я люблю эту картинку... Вы знаете, что это? Это птолемея картина мира. Ведь по Птолемею всё вращается вокруг Земли, а Коперник сказал, [что] всё вращается вокруг Солнца. Вот если угодно, со мной происходила такая вещь: сначала я вращался вокруг культуры – вокруг Солнца я вращался – потом мне сказали: «Да ты что! Нет, всё вращается вокруг коммунизма, а не вокруг культуры». И это так радостно. Потому что овладевать культурой – это бесконечный океан. Ньютон говорил, что он чувствовал себя мальчиком, который собирал камушки на берегу...

ФБ: Да, я помню.

ЮК: Я сначала так себя чувствовал, а потом мне [сказали], мол, ты не мальчик, ты можешь океан вот так взять [в кулак], потому что марксизм-ленинизм - это единственное верное, точное... Это искушение дьявола – [мысль о том, что] я очень легко могу сразу стать самым умным и самым передовым! Легко! Просто выучив 4-ю главу краткого курса. Четвертая глава краткого курса – это вот есть дьяволовое искушение. Там всего 50 страничек, выучив которые наизусть, ты становишься выше Гегеля, и выше Гёте, выше Шекспира и всё прочее. Всё вращается вокруг [коммунизма].

Но заряд культуры оставался. Факты новые и новые открывались. Родные, которых ты любил, и которые не могли тебя предать, как родина может тебя предать, вот этот весь переплёт, в конце концов, открыл глаза. В двух словах это история такая: сначала раскрылись глаза на Сталина – 20-й съезд. Еще больше раскрылись глаза на Ленина. Почему? Потому что Сталин, оказывается, искажил Ленина. Вот если бы по-ленински [...]

ФБ: В этом смысле Сталин был как бы искушением, чтобы избегать и не смотреть на сущность.

ЮК: Лет 20 вся наша страна, ну люди, которые думали или хотели думать, чувствовали, они жили под знаком очищения ленинизма. Потом стали заниматься Лениным и нашли там ужасные вещи. И второй этап: Ленин искажил Маркса, понимаете? А когда

ты залез в Маркса и нашёл вот тот 'микроб', с которого я начинал, вот только тут открылась прозрение.

Лично для меня... Я задался таким вопросом: как человек изменяет убеждения? Ну жизнь прожить и не изменить убеждения нельзя – это закон. Каковы критерии? Первый критерий – факты. Ну как может быть правым учение, по которому уничтожены 60 млн человек? Дальше. Как ты изменил убеждения: бескорыстно или корыстно – обязательный критерий. А третий критерий, который совкупляет оба эти [критерия] и другие – срок.

Достоевский был на грани атеизма, был за социализм. Каторга была, помните? Примерно у него переход [длился] 9 лет. У Солженицына – я подсчитал вначале, потом спросил, и он подтвердил – 11 лет. Еще на Лубянке он защищал Ленина. До Лубянки и до войны, он начал писать роман *Люби Революцию*.

ФБ: Интересно.

ЮК: У него 11 лет. У меня между 15-ю и 20-ю. При этом, заметьте, что у меня идеальные условия были. Ну университет... Продолжение культуры...

ФБ: В какие годы Вы были [в университете]?

ЮК: С 48-го по 56-й. Пять лет университета и три года аспирантуры.

ФБ: Где?

ЮК: В МГУ.

ФБ: И какие были главные итоги этого зарождения, этих 15-20 лет, можете рассказать? Главные моменты...

ЮК: Ну вот этапы я Вам сказал: Сталин – Ленин – Маркс – открытие религии. Потом, срок сам, вот сколько? У Августина Блаженного, посмотрите, сколько? Сколько у апостолов, начиная с Фомы Неверующего?

ФБ: Интересно, да, да.

ЮК: Это же закономерность: почему изменяешь? Ты изменяешь убеждения даже не из-за выгоды, невыгодно тебе изменять убеждения, лично, потому что тебе будет хуже.

ФБ: Что здесь мне очень интересно, например, если возьмешь пример Штрума в романе Гроссмана *Жизнь и Судьба*, Я помню интересную вещь: сперва он отказывается подписать какое-то это письмо в поддержку[...]

ЮК: Да, я помню...

ФБ: [...] И он чувствует в себе лёгкость, любовь к жене и так далее. Потом, неделю спустя, он подписывает письмо, и его внутренний мир меняется.

ЮК: Разрушается...

ФБ: И вот здесь интересно, что его взгляд на мир зависит от нравственного выбора.

ЮК: Конечно.

ФБ: Изменение взгляда – это не просто рациональное изменение, это действие воли в конце концов или какой-то нравственный подвиг. Я не знаю, как это объяснить...

ЮК: Категорический императив Канта начинает работать. Оказывается, он есть. Вы видели фильм, я сейчас не помню, как он называется, кажется, *Крик* Феллини (*La Strada*), не видели? Это мастодонт такой с такими обезьяньими руками, вот с такими лбом, циркач. Он берет девочку. Пикассо помните? Шар, отлет и девочка, помните?

ФБ: Не помню.

ЮК: Картина Пикассо? Нет? ...И постепенно он влюбляется в эту девочку, а она влюбляется в Арлекино.

ФБ: В фильме?

ЮК: Да. И эта обезьяна убивает Арлекино. Девочка убегает от него. Он ее ищет. Она умирает. Он на берегу моря. И вдруг в нем просыпается зверь, и просыпаются человек. Он воет, но воет не по-волчьи, а по-человечески. Вдруг родилась совесть. Понимаете? Другой способ ответить на Ваш вопрос: без литературы, без искусства совесть непостижима.

ФБ: Вы имеете в виду, что литература самый хороший [способ]?

ЮК: Ну конечно. Конечно.

ФБ: Я согласен.

ЮК: Предел бессовестности в литературе – роман хорошего человека, бессовестного человека в писаниях, как его... Далеко от Москвы... Сейчас я вспомню его фамилию...

ФБ: Ажаева?

ЮК: Ажаев. Василий Ажаев. Он был в лагере, работал в ГУЛАГе.

ФБ: Ажаев?

ЮК: Да. Он написал роман о стройке. Он превратил лагерь в коммунистическую стройку. Вы понимаете? Все! Он вышел из ада и превратил его в рай. Предел бессовестности, понимаете?

ФБ: Интересно. Я читал роман, но совсем забыл.

ЮК: А я любил этот роман! Когда ещё в 10-м классе учился, моя первая рецензия в газете на стене – стенная газета – первое мое литературное произведение, я написал [что-то вроде] «Далеко от Москвы, но в Москве». Я любил этот роман, мне нравились эти положительные герои и прочее. А когда я узнал – вот даже личный момент – что вот как на самом деле, что он из ГУЛАГа сделал рай, ну вы понимаете, что-то рухнуло сразу.

ФБ: Скажите, из Вашего опыта, как Вы оцениваете, это было через чтение, через опыт какой-то?

ЮК: И то, и другое, и еще много других. Люди возвращались из лагеря. Мой дядя пришел. Он вернулся живым, он мне рассказал, как там было. И потому что я, скажем, боялся – философский факультет – идеологический факультет, ты [заполняешь] анкеты: враги народа там [в семье]... И отец мой боялся. А мама уезжала наивно из Москвы в Подмоскovie и посылала дяде посылки, которые его спасли. И оказалось, мама была права, со своим необразованием, со своей безграмотностью, [но] со своим сердцем. И вдруг прошло 10 лет и оказалось, что я, начитанный, оказался неправ, а мама была права, понимаете? И Оруэлл, и *Бесы*, и Валентинов, и Дора Штурман... Прочитайте её.

ФБ: Не читал.

ЮК: Она в Израиле сейчас. Это, пожалуй, лучше всех ответит на Ваш вопрос.

ФБ: Книга?

ЮК: Да, у нее несколько книг.

ФБ: Романы?

ЮК: Нет, нет, нет, это дневники, исповеди... Это потрясающе совершенно. История боязни, трусости и одоления трусости. Вот *самоодоление* вот это.

ФБ: Интересно, спасибо.

ЮК: И там на многие вопросы, которые Вы мне ставите, будут ответы. Ещё скажите мне... У меня есть, кажется, эта книга.... Человек – один из лучших знатоков Японии, наш профессор, учёный настоящий, даже связан был с КГБ – ну так сказать, по научной части – мой знакомый и моей жены... Жена у меня – историк. Она, как там у вас называется, магистр, доктор, и прочее – историк. Они вместе работали. Ему уже больше 80-ти лет, и он недавно написал книгу – исповедь.

ФБ: Как его зовут?

ЮК: Сейчас скажу. (Обращается к жене с вопросом) Певзнер. У меня по-моему есть лишняя книга, я Вам могу её отдать.

Ну, прежде всего, я поздравляю Вас с очень радостной и нерадостной работой. Но эта работа, по-моему, она главная. Потому что нельзя понять мир в категориях истины. Мид познаваем в категориях только совести или бессовестности. А это искусство, религия, культура вообще, литература конечно. Что такое русская литература – это просто воплощение совести, вот самое такое...

ФБ: Вы в Ко подняли тему [...]

(Конец первой части)

Часть 2

ЮК: Вот в тех этапах, о которых я говорил, как отход от одних убеждений к другим: факты, культура, бескорыстие – не произойдет перемена убеждений, если ты не покаешься. Потому что, так или иначе, пусть ты не доносил, но ты не помог. Ты тоже был включён в ту цепь, о которой я Вам говорил. Рождение совести – есть рождение своей вины. И нужно очиститься. Иначе это будет внешне и будет выгодно тебе! Понимаете?

ФБ: Безусловно. Понятно, да.

ЮК: Вот же, в чем дело. Поэтому без покаяния, без осознания своей вины в том, что произошло, даже до твоего рождения, если угодно... Помните, мы говорили, от чего зависит совесть? Я родился 30-м году, значит у меня совести до 30-го года не было. Но у меня был отец и так далее. Почему я чувствую их? Вдруг начал чувствовать их. Вина растёт и совесть растёт, понимаете? Поэтому...

Я довольно долго был в Германии. У меня 3 инфаркта произошло. И там мне делали операцию на сердце. Я был потрясен... У меня была 'прививка' – знаете, что это такое – антинемецкая, антифашистская, ну война ничего не поделаешь... Вот. Всё переменялось, когда увидел, что немцы покаются. Ужас моей страны состоит в том, что всенародного покаяния не произошло. Знаете, если вы возьмете путь, опять, Франк, Бердяев, Струве, Булгаков Сергей, ну и так далее, возьмёте путь Солженицына, возьмёте путь Сахарова, Вы увидите этот индивидуальный путь, который отвечает всем тем критериям, о которых я Вам говорил. Это путь мучительный. [Путь] этого отрыва. Это путь безвыгодный. Это путь искренний. Это путь покаяния. Если нет звена покаяния, то всё остальное не работает. Но это путь, модель всенародного покаяния. Если у меня 15 лет ушло на это... А условия, я говорю Вам, были идеальные: очень совестливая семья была – у нас нельзя было обманывать, нельзя было не помочь... Потом, случайно или неслучайно, но вот с таких лет была библиотека. Университет при всем при том, что он был идеологический и прочее, но я был на философском факультете, я должен был много прочитать кроме Маркса, Энгельса (смеется). Потом была дружба или близость с такими людьми как Солженицын, Сахаров, Окуджава, Эрнст Неизвестный. Это просто мой близкий очень друг. Я не могу сказать, что Солженицын – друг, у нас просто хорошие отношения. С Окуджавой близкие, дружеские отношения. А эти люди шли, по тем или иным причинам, впереди меня. Кстати говоря, Коржавин, вы знаете такого?

ФБ: Наум Коржавин?

ЮК: Наум. Нужно Вам прочитать его книгу, потому что это вот рождение совести.

ФБ: Как называется?

ЮК: Это стихи. Маленький том.

ФБ: Стихи о проявлении совести.

ЮК: Ну, если угодно, да.

ФБ: Сделаю.

ЮК: Обязательно, потому что это [...]

ФБ: Он в Бостоне живёт.

ЮК: Он в Бостоне. Он часто здесь бывает. Обязательно. Он даже так понял! Все были восторге от Гагарина, а он написал стихи: «Вас туда запускают, чтобы у нас было меньше совести». Стихи прозой не передаются, но это вот тоже воплощение совести.

Но даже при таких, лично идеальных условиях... Кроме того, я работал в *Проблемах Мира и Социализма*, такой журнал был. Это был такой по тем временам 60-65-е годы, как бы сказать, ревизионистский. У нас его не любили, но держали. Но я приехал туда монолит... Знаете такой камень? А там начали грани, понимаете? Итальянцы, те же французы... Но они уже не были солдатами КПСС, понимаете? И то как долго! Я о чем думаю – о народе. Если у меня лично [на это ушло такое количество времени], то не может у массы людей мгновенно перемениться, понимаете? Поэтому нам долго-долго еще...

ФБ: Безусловно.

ЮК: Вот, Вы когда уезжаете?

ФБ: Завтра к сожалению, но я бываю...

ЮК: В понедельник у меня будет передача по телевидению о Гитлере. У Гитлера скоро день рождения. И так случилось, что и у Ленина скоро день рождения. У меня будет две передачи по телевидению: одна о Гитлере, вторая о Ленине. Я даже думаю, что я много буду говорить об этом. Вот сейчас так, ну вы помните это выражение «при слове совесть, я берусь за револьвер»..?

ФБ: Да.

ЮК: Но они мне дадут пленку... Вы не последний раз здесь?

ФБ: Нет, я бываю в Москве.

ЮК: Ахматова, Цветаева, Мандельштам...

ФБ: Это всё интересно, целая культура как бы наполнена интересом к совести, это очень интересно, мне кажется. Это [нужно] сохранить для будущего, чтобы люди не забывали. Потому что в [настоящее] время, это довольно важно, что люди не забывают об этом опыте.

ЮК: Сейчас, одну минуточку (листает книгу). Есть такая поэтесса у нас ещё Петровых Мария. Вот ее стихи:

Ты думаешь - правда проста?
Попробуй, скажи.
И вдруг немеют уста,
Тоскуя о лжи.

Вы знаете, что такое онеметь? Немой... Это к покаянию. Потому что одно дело – понять логически, психологически неправоту, ну это просто я цитирую...

ФБ: Да, да.

ЮК: И дальше. Ещё очень важный момент познания Вашего предмета в кавычках – переход от Христа к антихристу, от совести к бессовестности, а точнее к суррогату. Ну это формула моя. Дело вот в чем: преступление по всем законам человеческой нравственности, религиозной нравственности, как таковое, непереносимо. Точнее сказать, непереименованное преступление непереносимо, а переименованное даже вдохновляет, и вся задача состоит в том, чтобы [о] преступлении сказать не просто *ошибка* – это уже потом – а подвиг! Нужно преступление переименовать в подвиг. Нужно о коллективизации сказать, что это великая революция. И когда коллективизация в 28-33 годы, 10-15 миллионов убили, после этого созывается – вот вам ключ к Вашей теме – созывается первый съезд писателей, и [появляется] формула социалистический реализм, это что такое? Это ничто иное – этот съезд и социалистический реализм – как переименование самого большого преступления в истории нашей страны в самый большой подвиг. А если подвиг, то тут уж все... Понимаете?

Еще одна вещь...

ФБ: Я думаю, что суррогатная совесть, это из моего опыта ещё, это как идол. Нужно служить ему.

ЮК: Да, да.

Сейчас, ещё минуточку (листает книгу). Помните то, что я говорил? «О, если бы я был один!» – кричит Раскольников. Что такое один? Это значит без совести? Вот и всё. Но просто одному – нельзя. И тут подмена этих связей другими связями: ты служишь человечеству, подумаешь, один убит, а выиграют 100! Вчера я слушал этого из НАТО... Ну чуть-чуть попали они, знаете, в этот в поезд, там дети... Но он говорит, что зато потом другие выиграют... А у Достоевского был такой критерий...

ФБ: Это у Ивана Карамазова было...

ЮК: ...такой критерий был, это в черновиках: «А я так себя спрашиваю, Христос бы так поступил или нет? Христос бы поступил, как Торквемада? Нет? Ну так о чем вы говорите?» А я спрашиваю себя, Христос нажал бы кнопку в Хиросиме и Нагасаки? Христос сделал бы? Для меня ясно, что Милошевич это такая же фашистюга, как наш Сталин, это ясно. Но если Достоевский говорит, что слезинка ребёнка не стоит общей гармонии, если Христос говорит, что на вопрос сколько, брат, упрощать, 7 раз? 77? Если угодно, вот Вам программа политического урегулирования (смеется).

Еще одно, на последок сейчас (листает книгу). Вот. Один критик в прошлом веке процитировал Ларошфуко, мол, как здорово сказано... Такая фраза: «Лицемерие...» Знаете, что такое лицемерие, как по-английски..?

ФБ: Hypocrisy.

ЮК: Да. «Лицемерие – дань, которую порок платит добродетели». Дальше Достоевский пишет: «Это перифраза мудреца, дурак. Кто же не знает, что добродетель унижена, но добродетель никогда не платит дани, а если согласится, то она не добродетель. Она принуждаема бывает. Но дело в том, что тут факт: как ни торжествует порок, но отчего ж он не становится выше её?» – Выше добродетели – «Порочные люди всегда кем-то принуждаемы говорить, что добродетель всё-таки выше, и всё-таки молятся добродетели.» – Это суррогат – «Этот факт первой величины и ужасной глубины, факт из неразрешимейших – вдумывались ли вы в него?»

Когда Ленин, который говорил, что мораль – чепуха и не нужно считать на единицы, нужно считать на миллионы, и когда он в конце жизни вдруг получил то, что посеял – партия загнила уже – он вдруг сказал: «Нужно поступать по совести».

ФБ: Ленин?

ЮК: Да.

ФБ: Он даже употреблял это слово?

ЮК: Да.

ФБ: Я не знал, интересно.

ЮК: Спыхватился. Сам привил бессовестность, сам обманывал всех во имя великой идеи и вдруг здравствуйте, прямо по Достоевскому. Почему ты стал молиться совести?

ФБ: Хорошо. Спасибо.

ЮК: Я очень рад за Вас, очень боюсь за Вас, работа адская, но и райская.

ФБ: Да.

ЮК: Это было такое выражение латинское – золотая дорога, но трудная. Когда вернетесь сюда, непременно заходите. Мы проведем не час-два, а побольше...

ФБ: Спасибо.

ЮК: Жалко, что я... Ну в следующий раз я Вам подарю то, что [...]

(Запись прервана)

ФБ: Это стихи Цветаевой?

ЮК: Да.

ФБ: Я мало читал Цветаеву.

ЮК: Милый мой, с одной прозой, [даже] самой лучшей, с темой совести Вы не справитесь, без стихов. Сейчас Вы поймете.

ФБ: С какой прозой?

ЮК: С одной прозой, вообще.

ФБ: А, понятно.

ЮК: (Листает книгу) *Диалог Гамлета с Совестью*. Так называется стихотворение.

ФБ: Правда?

ЮК: (Читает по ролям)

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, — но сна и там нет!
— Но я её любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
— Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных брёвнах...
— Но я её любил
Как сорок тысяч...
— Меньше,
Всё ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.

— Но я её —

— любил?

Это гениально совершенно, понимаете?

ФБ: Спасибо.

ЮК: Так и называется *[Диалог] Гамлета с Совестью*, между прочим (смеется).

Конец интервью.